

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Знаков

КОГНИТИВНОЕ И АФФЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПОНИМАНИИ ЧУЖОГО КАК ВРАГА

В статье на примере растущего числа конфликтов между приверженцами христианских и мусульманских ценностей, а также этнорелигиозной природы терроризма анализируются психологические причины понимания чужого человека не как друга, а как врага. Обосновывается, что в понимании чужого важную роль играют не только осознанные рациональные знания субъекта, но также бессознательное и житейские понятия. Акцент сделан на исследовании когнитивного и аффективного бессознательного — непонятных иррациональных компонентов понимания чужого. Доказывается, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения и потому их невозможно разрушить обычной логикой. Главный вопрос, на который сделана попытка дать ответ, заключается в следующем: почему при узнавании факта сожжения Корана или поступка девушек из группы «Пусси Райот» не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими? Объяснение этого феномена в статье развивается в трех направлениях. Во-первых, приводятся данные о том, что многие моральные и религиозные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно. Во-вторых, из исследований Ж. Пиаже следует, что некоторые операциональные схемы действий могут противоречить идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и блокируют их интеграцию в сознательное мышление. В-третьих, со ссылкой на результаты психофизиологических исследований обосновывается существование

Знаков Виктор Владимирович — докт. психол. наук, гл. науч. сотр. ИП РАН, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: znakov50@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00018-а).

в сознании фильтров, актуализирующихся при соотнесении древних и недавно сформированных культурных феноменов с менее и более дифференцированными мозговыми системами.

Ключевые слова: понимание, чужой, враг, терроризм, когнитивное и аффективное бессознательное.

In article on the example of growing number of the conflicts between adherents of Christian and Muslim values, and also the ethno-religious nature of terrorism the psychological reasons of understanding of foreign person not as friend, and as enemy are analyzed. Proved that in understanding of the stranger an important role plays not only conscious rational knowledge of the subject, but also unconscious and everyday concepts. The emphasis is placed on research of the cognitive and affective unconscious — extra conceptual irrational components of understanding of the stranger. It is proved that there are such spheres of human life which at all don't accept rational knowledge. In similar spheres there is a radical contradiction between rational knowledge, an explanation and deep emotions, experiences. Deep attitudes and prejudices can't be overcome logical arguments: they don't rely on reasonable judgments and therefore they can't be destroyed usual logic. The main issue on which attempt to answer is made, consists in the following: why at recognition of the fact of burning of the Koran or an act of girls from "Pussy Riot" group not only conscious rational explanations, but also unconscious components of behavioral reactions of the people speaking different languages and living in the different countries, are very similar? The explanation of this phenomenon in article develops in three directions. First, data that the subject makes many moral and religious decisions automatically, intuitively, unconsciously are provided. Secondly, from J. Piaget's research follows that some operational schemes of actions can contradict ideas which the subject consciously already formulated. These ideas take higher place, than action schemes, and block their integration into conscious thinking. Thirdly, with reference to results of psychophysiological researches existence of filters locates in consciousness, making the appearance at correlation of the ancient and recently created cultural phenomena with less and more differentiated brain systems.

Key words: understanding, stranger, enemy, terrorism, the cognitive and affective unconscious.

Проблема

В последнее время в психологической науке понимание субъектом чужих людей как друзей или врагов стало одной из чрезвычайно значимых проблем. Причины ее актуальности следуют и из теоретико-методологических оснований развития психологического познания, и из происходящих в мире социальных процессов, среди которых революционные преобразования в политике и экономике многих стран, миграция, резкое возрастание террористической активности и т.п.

Разрешение конфликтов, спорных политических вопросов нередко основывается на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, а не на достоверных научных знаниях. Например, как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменяв в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение терактов и других преступлений против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логичными суждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Наше восприятие и понимание чужого как врага тоже основано не только на осознанном рациональном знании. Важную роль в этих процессах играют бессознательное и житейские понятия. Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л.С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т.е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество понятий разного уровня обобщенности.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Автор пишет, что обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, т.е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» (Шюц, 2004, с. 536).

Очевидно, что личностное знание субъекта, понимающего мир с помощью житейских понятий, включает в себя не только осознанные,

логически обоснованные, но и бессознательные, иррациональные компоненты.

Цель статьи — проанализировать роль, которую играет когнитивное и аффективное бессознательное в понимании чужого как врага.

Научные исследования чужого

Теоретическое обоснование различия своего, чужого (пока не своего, но могущего стать таким) и чуждого, не принимаемого субъектом ни при каких обстоятельствах, ясно и понятно представлено в тезаурусной концепции организации субъектного знания (Луков, Луков, 2008) и в модели восприятия чужого Б. Шефера и Б. Шлёдера (Шефер и др., 2004). В названной модели понятие чужого (человека) характеризуется посредством соотношения трех переменных — знания, опыта и идентичности (как неизвестного, неиспытанного и «не своего»).

Чужое как неизвестное. В этом случае под чужим понимается все в другом, что человеку неизвестно, к чему он безразличен либо испытывает опасение или даже антипатию. Отсутствие знаний компенсируется стереотипами: в процессе понимания людьми критических ситуаций человеческого бытия социальные стереотипы нередко формируются по принципу «у страха глаза велики». Например, в исследованиях понимания террористической угрозы москвичами и жителями других российских городов были выявлены и проанализированы стереотипные, не соответствующие действительности представления о террористах как о необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит (Знаков, 2010)

Чужое как неиспытанное. «Явления, о которых у человека имеются знания, но которые им не освоены, тоже могут восприниматься как чужие. <...> В этом случае свойства и формы поведения постороннего объекта известны, однако в конкретных условиях они не испытаны и не пережиты» (Шефер и др., 2004, с. 24). В моих исследованиях эта форма понимания чужого проявлялась в недостаточно осмысленном знании респондентов о мусульманских террористах. Жители Самары, Орла и других городов не имели конкретного опыта понимания и переживания терактов, поэтому такие знания не стали частью их экзистенциального опыта (Знаков, 2012). Благодаря приобретению нового знания и его переживанию чужое может либо стать своим, либо окончательно превратиться в чуждое, «не свое», несовместимое с ценностями субъекта.

Чужое как «не свое». Чуждое — это то, что противоречит ценностям, нормам, принципам и жизненным ориентациям субъекта. В обсуждаемой модели «не свое» определяется как такое несоответ-

ствии главным особенностям человека, восприятие которого связано с отрицательной эмоциональной валентностью, тогда как восприятие «своего» — с положительной.

Исследования, проведенные мной на взрослых испытуемых, показали, что в основе понимания террориста лежит образ врага — чужого, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. В представлениях о враге центральное место занимают такие его характеристики, как эгоистичность, агрессивность и подозрительность (Знаков, 2010). Это соответствует результатам исследований образа врага в российской социальной психологии. Например, в диссертации Д.Б. Тулиновой показано, что «чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика» (Тулинова, 2005, с. 8).

Образ чужого как врага возникает в детстве, но с возрастом изменяется. В исследовании Л. Оппенгеймера на голландских детях и подростках 7—13 лет показано, что образ врага у старших детей отличается от такового у младших большей когнитивной сложностью. Старшие приписывают больше положительных качеств врагу, что может быть связано с развитием способности поставить себя на место другого. На вопрос, есть ли различия между врагом и самим респондентом, большинство детей во всех возрастных группах отвечали утвердительно. Однако с возрастом дети становятся все менее уверенными в различии: если среди 7-летних детей уверенность выражали 96%, то среди 13-летних — только 59% (Oppenheimer, 2010). Эти данные говорят о возрастной динамике развития когнитивной сложности межличностного понимания и идентификации, способности взглянуть на мир глазами другого (даже если он враг).

В российской психологии ценностно-смысловая и возрастная динамика различения своего и чужого представлена в исследованиях самоактуализации личности в процессе общения с другим (Рябикина, Сомова, 2001), идентификации другого человека в качестве врага или друга (Тулинова, 2005), трансформации социально-психологических характеристик представлений о друге и враге (Альперович, 2010). В социальной психологии показано, что в общении идентификация другого человека в качестве врага осуществляется на основе комплекса межличностных отношений. Образ врага имеет устойчивое ядро и периферию, которые незначительно различаются по своим психологическим качествам у мужчин и женщин (Лабунская, 2013).

Из культурологических исследований известно, что «отличие, инаковость — неотъемлемая часть нашего собственного существования, и иногда они становятся прямым условием нашей идентичности

и образуют своего рода онтологическое единство. «“Чужой” нередко является частью нас самих» (Шулакевич, 2008, с. 112). Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность необходимости обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является его превращенной формой. Тем не менее распространенная в современном мире конфликтная практика межконфессиональных отношений, проявляющаяся в «мусульманском» терроризме, обнаруживает, что у представителей и христианского, и исламского мира вместо идентификации и стремления постигать психологию друг друга нередко наблюдается негативная проекция, способствующая порождению образа врага и мешающая самопониманию. Это противоречит логике и здравому смыслу, потому что, как пишет В.Г. Лысенко, «“не-Я”, чужое, все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе перекликается с нашим “Я”. То есть наш “Я-образ” уже заложен в саму модель чужого. Из этого вытекает четвертый принцип (ксенологии. — В.3.): образ чужого в той или иной культуре (равно как и для той или иной личности) может служить важным показателем уровня ее собственного развития: скажи мне, какой твой чужой, и я скажу тебе, какой ты! Ибо образ чужого может быть инструментом как самоутверждения (чаще всего), так и самопонимания, самооценки, самокритики и даже самосовершенствования! Иными словами, образ чужого сделан из “материала заказчика” — “Я-образа”, его страхов, ожиданий, комплексов, ревности, любви, ненависти, чувства справедливости и т.п.» (Лысенко, 2009, с. 62—63). Однако в современном мире чужой превратился в потенциального нарушителя культурной безопасности (Романова и др., 2013), особенно если он — террорист. Между тем уже давно научно доказано, что враждебность субъекта по отношению к чужому, нередко проявляющаяся в криминальном и девиантном поведении, в конечном счете негативно влияет на формирование когнитивной и аффективной сферы его собственной личности (Ениколопов, 2007).

Этнорелигиозные и политические истоки терроризма

То, что современный терроризм представляет собой экстремальное проявление этнорелигиозных конфликтов, является общепризнанным фактом. «Под этнорелигиозным терроризмом предлагается понимать такой, при котором преступление стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или (и) религии, реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп (причем и в рамках одной религии)» (Антонян, 2008, с. 13). Сегодня человечество живет в условиях

серьезных конфликтов между религиозными ценностями христиан и мусульман, в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Напомню, что относительно недавнее обострение конфликта началось с публикации в 2005 г. карикатур на пророка Мухаммеда, сделанных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел 11 исламских государств потребовали от датского правительства извинений. Некоторые из них, не получив извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангелист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посовещавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция повлекла за собой переживания, возмущение и протесты мусульман во всем мире (в частности, в Афганистане были жертвы после того, как талибы призвали афганцев в отместку за «оскорбление» Корана убивать и избивать всех, кто причастен к оккупационным силам). Наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 г. прошла акция феминистской группы *Pussy Riot* в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма.

Все эти события вызвали негативные эмоции у миллионов людей и породили острые дискуссии в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные, рациональные объяснения причин описанных выше поступков. Например, такие. В сентябре 2012 г. по всему миру, в том числе по Франции, прокатилась новая волна выступлений сторонников ислама против создателей фильма «Невинность мусульман». Реакцией на эти выступления стала публикация в одном из французских сатирических журналов новых карикатур на пророка Мухаммеда. Французский премьер-министр Жан-Марк Эйро сказал, что не считает их опасными, потому что французы живут в стране, где защищается право на выражение собственного мнения. В частности, гарантируется свобода проявления себя в таком жанре изобразительного искусства, как карикатура. Ранее президент США Б. Обама объяснил, что оскорбительное для мусульман видео не удалили из Интернета из-за американской конституции, защищающей право на

свободу слова. В противоположность этому президент Афганистана Х. Карзай, выступая в ООН, призвал западные страны бороться с исламофобией. Он заявил о недопустимости попыток оправдать оскорбление религиозных чувств свободой слова. Он сказал: «Такие акты никогда не могут быть оправданы свободой слова... В той же степени они не могут послужить поводом для протестов, которые используются для разжигания насилия и хаоса с ужасными потерями невинных жизней». Но ни один из этих аргументов не успокоил мусульман и не остановил беспорядков на почве межрелигиозной вражды.

Факты таковы, что во всех этих случаях участники массовых возмущений как с самого начала не слушали рациональных доводов, а основывались на плохо осознаваемых, невербализуемых аргументах и обращались к экзистенциальным переживаниям, так и по-прежнему продолжают это делать. Отсюда следует, что в мире человека есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. В этих сферах протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы *Pussy Riot*: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Фундаментальный вопрос, на который должна ответить психологическая наука, заключается в следующем: почему не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими?

Причины сходства поведенческих реакций, не осознаваемые групповыми и индивидуальными субъектами

Приведу три аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания экзистенциальных ситуаций человеческого бытия, подобных описанным выше.

1. *Связь религиозного и морального сознания.* В психике миллионов людей религиозные и моральные понятия неразрывно связаны. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости или недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия и т.п.).

Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006). М. Хаузер, внесший большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения, полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования. В защиту правомерности своей позиции он приводит данные осуществляемого по его программе масштабного кросскультурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно приходят к очень похожим выборам (Хаузер, 2008).

Однако, выясняя причины одинаковости понимания одних и тех же событий и ситуаций миллионами людей, необходимо анализировать не только сходство религиозного и морального сознания. Сознание религиозных людей имеет и специфические особенности, отличные от мировоззрения атеистов. Эти различия обнаруживаются, в частности в исследованиях имплицитных представлений российских студентов. Верующим студенты приписывают межличностные и духовные добродетели (способность прощать, чувство благодарности, доброта, скромность), а атеистам — когнитивные и связанные с деятельностью положительные психологические характеристики — лидерство, гибкость мышления, любопытство, креативность, интерес к учению (Кошелева, Осин, 2012). По данным М. Фридмана, убежденные американские верующие отличаются от атеистов меньшей когнитивной сложностью и критичностью в размышлениях об экзистенциальных проблемах, связанных с верой (например, о смерти любимого человека или моральной допустимости аборта). Однако различия в сложности рассуждений о других проблемах (например, об охране окружающей среды) отсутствуют (Friedman, 2008).

В этом контексте требует проверки гипотеза, с помощью которой можно было бы объяснить интуитивный, иррациональный, аналитически не расчлененный характер понимания чужих как врагов мусульманами из разных стран. Это гипотеза о преимущественно холистическом, а не аналитическом характере религиозного мышления и мировоззрения. В первом случае континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира, нередко наблюдается пренебрежительное отношение к формальной логике и более выражена терпимость к противоречиям. Во втором — преобладает аналитическое мышление, мир представляется дискретным, состоящим из обособленных объектов. Соответственно характеристики объектов объясняются принадлежностью к определенным категориям (Nisbett

et al., 2001). Гипотеза о холистичности религиозного мышления частично подтвердилась в интересном исследовании М.Е. Пирс (Pierce, 2007), но пока этого явно недостаточно.

2. *Аффективное и когнитивное бессознательное.* Анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не вспомнить о представлениях Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). За почти полвека с тех пор, когда Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. Сегодня в него включают имплицитное научение, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, экспертное знание и другие феномены (Аллахвердов и др., 2008, с. 10).

Что касается Пиаже, то он говорит о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структуру или функции внутренних механизмов, направляющих его мышление, ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. основополагающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет:

«Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т.е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраниваются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128).

По мнению Пиаже, осознание — это следствие реконструкции на высшем, сознательном уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем, бессознательном уровне.

3. *Фильтры в сознании.* Мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий и ситуаций, получила продуктивное развитие в современ-

ных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре. Психолог Ю.И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые, более дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции мораль и религия сопоставляются с древними элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила (включая те, которые относятся к науке). Автор пишет: «Из такого представления логически следует, что низкокодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкокодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211).

* * *

Итак, результаты теоретического анализа причин сходства поведения людей, не осознаваемых ими во многих экзистенциальных ситуациях конфликтов христианских и мусульманских, а также религиозных и атеистических ценностей, можно обобщить следующим образом. Моральные и религиозные представления о чужом как о враге являются недифференцированной общечеловеческой системой житейских понятий, выступающей в роли внутреннего регулятора поведения. В этом виде система обыденных знаний бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при реальном столкновении с визуальными или вербальными проявлениями чужого как чуждого (неприемлемого с моральной или религиозной точки зрения) возникает необходимость вербального оформления невербализуемых правил поведения, превращения их во внешние нормы. При этом правила начинают соотноситься с высококодифференцированными системами и неизбежно вступать в конфликт с ними: ясно, что малокодифференцированные представления противоречат необходимости сознательного совершения поступков. И это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения чужого как врага, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию (Знаков, 2009).

Таким образом, когнитивное бессознательное и аффективное бессознательное являются неизменными компонентами понимания

человеком многих проблем, особенно экзистенциально значимых для него. К таким проблемам, безусловно, относится и восприятие чужого как врага. В этом процессе настолько тесно переплетаются осознаваемые и неосознаваемые составляющие, что для создания стройной научной картины взаимодействий между ними надо провести еще не один десяток психологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.

Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 2. С. 10—18.

Альперович В.Д. Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2010.

Антонян Ю.М. Основные черты этнорелигиозного терроризма // Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 9—70.

Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психол. журн. 2007. № 1 (2). Сентябрь. С. 33—39.

Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14—23.

Знаков В.В. Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 64—74.

Знаков В.В. Общее пространство со-бытия российских христиан и мусульман и психологические основания понимания ими исламских террористов // Психология опасности и безопасности: В 2 кн. Книга первая. Феноменология и философско-психологическая концептуализация безопасности субъекта жизни / Под общ. ред. С.Н. Тесля. Сочи: РИЦ СГУ, 2012. С. 170—184.

Кошелева Н.В., Осин Е.Н. Имплицитные представления студентов об атеистах и верующих людях // Психология: Журн. Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 135—143.

Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52—64.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008.

Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 61—77.

Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125—131.

Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013.

Рябкина З.И., Сомова Е.Г. Личность и ее самоактуализация в общении с Другим // Мир психологии. 2001. № 3. С. 83—88.

Тулинова Д.Б. Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005.

Хаузер М. Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.

Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология: Журн. Высшей школы экономики. 2004. № 1. С. 24—51.

Шулакевич М. Границы как проблема современной культуры // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 105—114.

Шюц А. Чужак: Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533—549.

Friedman M. Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis // International Journal for the Psychology of Religion. 2008. Vol. 18. P. 216—237.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108. N 2. P. 291—310.

Oppenheimer L. Are children's views of the "enemy" shaped by highly-publicized negative event? // Intern. Journal of Behavioral Development. 2010. Vol. 34. N 4. P. 345—353.

Pierce M.E. Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. 2007. URL: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-05242007-131357/unrestricted/thesis.pdf>

Waldmann M.R. A case for the moral organ // Science. 2006. Vol. 314. P. 57—58.

Поступила в редакцию
20.11.13